

Никакой магии в себе жест вождя не нес. Кровь между ними единой не стала. Это был простой акт уважения и признания. Ну, насколько вообще слово “простой” может быть применимо к тому, когда в племя бедуинов берут даже не пустынного, а чужака. Того, чей цвет кожи не возвращен с рождения знойным солнцем.

Последующие три дня компанию Хаджару составляла лишь Азрея. Больше в шатре кроме неразговорчивого старого лекаря никто не появлялся. Сам же лекарь, старик в одеждах столь же дорогих, как и на вожде, приходил только чтобы сменить повязки.

Постепенно силы к Хаджару возвращались. На третий день он уже жалел, что те красавицы, греющие его и постель, так больше и не пришли. Вечером того же дня вновь заглянули лица, помимо лекарского.

Койот принес костыли и пожал руку. Только сейчас Хаджар мог ответить на этот жест и без боли вытерпеть давление на свое предплечье. Тот же Койот помог Хаджару подняться с постели, нацепить легкий кафтан и встать на костыли. Две деревянные палки с обмотанными тряпками жердями, на которые ложились подмышки.

На них Хаджар, кое-как, но все же самостоятельно, вышел за “стены” шатра. Распущенные длинные волосы, свисающие до лопаток, тут же завихрил веселый, прохладный ветер. На Мертвые Горы спускалась ночь. Уже зажглись кому-то нужные звезды, а солнце поспешно освободило сцену для полной луны.

В пустыне она выглядела необычайно большой и близкой.

Койот шел рядом с Хаджаром. Он пришел в себя намного быстрее - сказывалась разница между практикующим и истинным адептом. Способности к регенерации у последних явно находились за пределами возможностей Хаджара.

Бедуины явно готовились к празднику. Всюду висели глиняные горшки с прорезями со свечками внутри. Хаджар не знал каким образом, но свет из них лился разноцветный. Запах жареного мяса и приправ бил в голову похлеще набатного колокола. Всюду звучал смех, люди танцевали. Полуобнаженные девушки крутились под ритмичную музыку, а юноши едва ли не воинственно били ладонями в барабаны.

Когда Хаджар шел к центру празднества, куда его пригласил вождь, то всюду встречал доброжелательные улыбки. Из тьмы выныривали счастливые люди и что-то шептали, дарили, а некоторые (в основном молодые девушки) целовали его в щеку или край губ.

Койот улыбался этому, здоровался с кем-то, кого-то обнимал и так же поспешно целовал. Все это резко контрастировало с тем, как еще совсем недавно племя встречало “чужаков”.

В центре лагеря в небо вился настоящий огненный столп. Огромный костер, жар от которого был настолько силен, что невозможно было подойти ближе, чем на десять метров. Люди сидели вокруг, кто-то танцевал в оранжевых отсветах на песке.

На своеобразном возвышении находился все тот же вождь в окружении своих ближайших людей. Рядом примостился Хадар с разведчиками. Судя по их пьяным лицам, они явно уже давно праздновали. Хаджар почему-то не сомневался, что теперь караван точно пропустят к

оазису.

Завидев Хаджара и Койота, вождь слегка приподнялся над подушками и призывно помахал рукой. Когда Хаджар шел мимо рядов празднующих, многие салютовали ему на местный манер, кто-то просто улыбался.

Краем глаза, среди толпы незнакомых лиц, Хаджар увидел отчаянно машущего ему мальчишку. Хаджар не жалел о содеянном. Будь у него возможность - он бы сделал тоже самое.

Из-за его поединка не должны были страдать маленькие, глупые дети. Так что Хаджар просто кивнул ребенку и пошел дальше.

- Садись, Хаджар, - вождь слегка подвинулся на подушках.

Он не пытался помочь Хаджару опуститься, несмотря на то, что последний явно испытывал трудности. В противном случае вождь уронил бы честь и достоинство воина и мужчины, выставив его слабым и беспомощным. А ни слабость, ни беспомощность не приветствовались среди жестоких, но свободных племен бедуинов.

- Выпей нашего вина, - вождь взмахнул рукой и маленькая раба поднесла поднос с кувшином. - вечером отведай наших женщин.

Очередной взмах и вперед подались сразу с десятков красавиц-рабынь. Среди них были и те, что грели постель.

- Спасибо, почтенный вождь, - кивнул Хаджар слегка пригубляя вино. - но, прошу простить мне мое невежество, что мы празднуем?

Вождь улыбнулся. Впервые за все время, он действительно продемонстрировал хоть какие-то искренние эмоции.

- Рождение нового сына племени, - произнес он с таким тоном и нажимом, что нельзя было не догадаться, кого именно он имеет в виду.

Вождь куда-то кому-то кивнул и вскоре музыка смолкла. Когда стихли последние отзвука ритмичного боя барабанов и замерли танцующие, вождь поднялся со своего места.

Он обвел взглядом лица присутствующих и, раскинув руки, начал что-то говорить на родном языке.

- Вождь рассказывает о твоем поступке, - переводил Койот. - он говорит, что порой так бывает, что Вечерние Звезды путаются в своем небесном беге и дух свободного путника Моря Песка оказывается заперт в теле рожденного на чужой земле. Но даже так, дух этот так страдает по дому, что всегда спешит к солнцу и пустыне.

Вождь продолжал речь едва ли не нараспев, частенько при этом указывая на Хаджара.

- Он говорит, что благодарит Звезды за то, что те привели потерянного сына обратно к дому. Что сделали его в пути сильным и достойным, и что дали шанс проявить себя духу.

В этот момент вождь взмахнул рукой в сторону мальчишки, сидящего на плечах своего отца.

- Теперь же он просит шамана дать тебе имя и знак сына племени.

В толпе поднялся, что неожиданно, другой мальчик. Ему было не больше пятнадцати лет. Узковатый, угловатый, с красными пятнами на лице и слегка кривыми пальцами. Тем не менее, посмотрев в его черные глаза, Хаджар едва не вздрогнул. Ему на миг показалось, что на него смотрит не человек. Даже не животное.

Он не мог подобрать слов тому, что его встретило в чужих “зеркала души”.

Боги и демоны. Неужели нечто подобное ощущает люди, когда им удается разглядеть тень Травеса в глазах самого Хаджара.

Мальчик подошел к Хаджару. Вблизи он выглядел еще меньше. Совсем сухой и невзрачный.

Вновь забили барабаны, люди начали танцевать вокруг костра с какой-то совсем уж необычной неистовостью. Холодные пальцы шамана племени коснулись лба Хаджара.

В этот миг вселенная на миг замерла, а затем в груди Хаджара, где-то глубоко и далеко, появилось уже почти позабытое чувство. Ощущение того, что он может не только слушать рассказы ветра, но и сам что-то ему нашептывать.

- Дархан, - произнес мальчик.

Затем он взял в руки горсть песка и бросил её на левую руку Хаджара. Тот завыл от боли и тут же, под всеобщий одобрительный смех, смахнул песок с кожи. Сперва ему показалось, что тот прилип, но на самом деле на коже остался красный след. Узор, выющийся от плеча и до самого локтя. Пересекающие друг друга прерывистые линии, похожие на письма и на рисунок одновременно.

- Ветер Пустыни, - кивнул вождь. - хорошее имя. С днем рождения тебя, брат наш, Хаджар Дархан. Пустынный Ветер, Дующий с Севера.

Волосы хаджара вновь растрепал порыв ветра, словно пытавшегося прислушаться к чему-то. Шаман вовсе не вернул Хадажру его старые иллюзии общения с ветром, но он слегка ослабил давление другой татуировки. Оставленной на спине метки Духа Меча.

Стоит ли говорить, что в тот вечер Хаджар пил, ел и праздновал так, будто и действительно - проживал свой первый день на земле.

Ну или последний...

Большое спасибо за поддержку!

Все новости по произведению вы можете найти здесь:

https://vk.com/bar_dh

<http://tl.rulate.ru/book/6918/223336>